

Александр Красницкий

В дали веков

Александр Красницкий

В дали веков

«Public Domain»

1895

Красницкий А. И.

В дали веков / А. И. Красницкий — «Public Domain», 1895

«Это было вскоре после крестных страданий и смерти Иисуса Христа. Он умер на кресте плотию, заповедав всему миру кроткую братскую любовь, плату добром за зло, но благая весть о Его святом учении пока хранилась и распространялась в одном только еврейском народе и едва-едва, в виде неясных туманных слухов, достигла до более или менее отдаленных от Палестины народов древнего мира. Но Божественный Учитель наш еще до своей крестной смерти заповедал ближайшим своим ученикам разнести эту благую весть повсюду, где только есть люди. Могли ли они забыть завет Того, за Которым последовали, оставив все земное, все земные радости, печали, горе, счастье? Все это, все было принесено в великую жертву служения человечеству, над которым тяготел в то время беспросветный мрак язычества...»

© Красницкий А. И., 1895

© Public Domain, 1895

Содержание

Ильмень	6
Пророчество	6
В солнечный день	9
Первая искра	12
Славянские ручьи и русское море	15
Кудесник	18
Завеса грядущего	21
На Варяжке	24
В объятиях смерти	27
Старый норманн	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Красницкий

В дали веков

* * *

Ильмень

Благословен грядый во имя Господне!
Св. Евангелие

Пророчество

Это было вскоре после крестных страданий и смерти Иисуса Христа.

Он умер на кресте плотию, заповедав всему миру кроткую братскую любовь, плату добром за зло, но благая весть о Его святом учении пока хранилась и распространялась в одном только еврейском народе и едва-едва, в виде неясных туманных слухов, достигла до более или менее отдаленных от Палестины народов древнего мира.

Но Божественный Учитель наш еще до своей крестной смерти заповедал ближайшим своим ученикам разнести эту благую весть повсюду, где только есть люди.

Могли ли они забыть завет Того, за Которым последовали, оставив все земное, все земные радости, печали, горе, счастье? Все это, все было принесено в великую жертву служения человечеству, над которым тяготел в то время беспросветный мрак язычества.

И вот святые апостолы разошлись по всему тогдашнему миру, всюду проповедуя слово Божие и всюду разнося радостную весть кроткой братской любви, всепрощения и тихого мира в сердцах человеческих.

Одни из апостолов избрали для проповеди страны более близкие к Палестине, где протекала жизнь их Божественного Учителя, где Он страданиями своими искупил грех прародителей. Они пошли в Грецию, в Рим, в Африку. Там уже сам языческий мир своим особым складом мышления приготовил благодатную почву для восприятия нового учения. Предстояла, правда, борьба, тяжелая борьба с язычеством, но апостолы и их ученики были уверены, что в этой борьбе они победят, рассеяв своим убежденным словом тяготевший целые века над человечеством мрак.

И они пошли туда, смелые, готовые на все, даже на самые страшные мучения, ради исполнения своего святого долга.

Другие же из них для себя избрали совсем иной путь.

Они пошли в неведомые страны, в земли, на которые даже гордый Рим не находил нужным обращать свое внимание. Среди них был и святой апостол Андрей, который был одним из первых учеников Иоанна Крестителя, а потому и назван Протоклетосом, то есть Первозванным.

Он вместе с братом своим пошел принести благую весть о спасении совершенно «варварским» народам, обитавшим на южных, восточных и северо-восточных берегах Черного моря. Самой плохой славой пользовались эти народы в древнем мире. Чем-то нечеловеческим отзывалось в представлении даже образованнейших народов того времени – римлян и греков – понятие «скиф».

Целые легенды сложены были о них. Говорили, что скифы не обыкновенные люди, а ужасные существа, имевшие наполовину туловище человека, наполовину – лошади.

Они, скифы, были рассеяны на огромном пространстве земли.

Жили они отдельными племенами, не зная никаких других занятий, кроме охоты. Между ними не было никакой связи, хотя они все говорили на одном языке и молились одним богам. Каждый, даже самый маленький род управлялся по-своему. Твердых начал власти у них не было и в помине. Вечно они вели между собой ожесточенные войны, и никогда между ними не было дружбы и согласия.

К этим-то ужасным скифам и понес благую весть первозванный святой апостол.

Постепенно он обошел все побережье Черного моря и наконец прибыл со своими спутниками в таинственную, пустынную Скифию.

Напрасно искал апостол людей, которым бы он мог проповедовать благую весть. Их было слишком мало на этих беспредельных пространствах, сплошь покрытых или девственными лесами, или заросшими гигантской травой степями. Однако апостол не был смущен этим. Он смело шел вперед по неведомому дикому пути, пока не достиг устья великой реки – Днепра. Совершенно верное предположение, что по берегам этой реки должны были жить люди, заставило апостола скорее идти к ее верховьям.

Чудная природа страны также влекла его в эту неведомую даль, где он должен был впервые возвестить ее диким обитателям слова любви и мира. Эта природа не была так пышна, как на его родине – в Галилее. Солнце здесь не палило землю лучами своими, напротив, оно только ласково обогревало ее, как бы возвращая к жизни после всемертвящего сна долгой северной зимы. Трава степей, зеленая листва дубрав не были слишком яркие, но в них преобладал нежный оттенок. Сам климат был нежен, воздух не дышал зноем. Ветерок в своих легких порывах то и дело приносил отрадную прохладу.

Да и сами обитатели этой неведомой никому дотоле страны были совсем другие.

Рослые, статные, дышащие физической мощью, с русыми длинными волосами, с открытым доверчивым взглядом голубых, как само небо над ними, глаз, – как резко отличались они от соотечественников апостола Андрея, грубых, алчных, фанатичных до мозга костей израильтян, от хитрых, вероломных, всегда готовых на любое предательство греков, от гордых, презирающих все на свете, уверенных в своей мировой силе римлян, уже близких тогда к упадку.

Это был новый, свежий народ, в котором на много-много тысячелетий хранился запас великих душевных сил.

Этого народа-младенца пока еще не коснулось разложение.

Он жил, как дитя, но в этом дитяти свежи и без гнили таились семена правды и любви. Этот народ нелегко отдавался первому своему впечатлению. Он не был способен на эффектное мученичество, но был готов тихо, незаметно умереть за то, что считалось правым. Он жил по заветам своей страны, был верен этим заветам, но врожденный здравый смысл в то же самое время позволял ему ясно видеть и то хорошее, что могло быть вне преданий его дедов и прадедов.

Этим народом были славяне, наши предки.

К ним-то и явился с вдохновенной проповедью апостол Божий.

Он со своими спутниками шел вверх по великой реке славянской – Днепру. Он шел, и с каждым его шагом вперед по этой неведомой стране высшая сила, сила небесная, озаряла вдохновенную душу апостола.

Одаренный высшим разумом, он своим взором, проникавшим через завесу будущего, ясно видел, что этой стране предстоит великое дело – стать истинной хранительницей заветов Христа, что придет время, когда свет истины засияет в ней и многие тысячелетия будет гореть ярким пламенем в сердцах ее обитателей.

С такими мыслями дошел апостол до того места, где берег Днепра отвесной стеной возвышался над гладью реки. Это была целая гора, покрытая в то время лесом у своей подошвы.

Апостол не замедлил взойти на самый верх этой горы.

Чудная картина открылась перед ним.

Синей лентой извивался, идя из неведомой дали, величавый Днепр, а вокруг него, насколько мог видеть глаз, тонули в беспредельном пространстве необозримые зеленые степи.

Сердце апостола забилося. Он чувствовал, что сошла в его душу неземная сила, и, не желая бороться с овладевшим им волнением, он, благословив все, что было перед его глазами,

пророчески воскликнул: «Благословение Господа Нашего над землей этой. Отныне и вовеки воссияет здесь благодать Господня!» Прошли века.

Вскоре после провозглашения великой воли небес апостол Андрей Первозванный, призвавший благодать Господню на земли славянские, мученически кончил жизнь свою. Во время проповеди на Патрасе он был схвачен по приказанию римского проконсула Эгея и распят головой вниз на восьмиконечном кресте.

Так закончилось вдохновленное свыше дело святого проповедника благого учения Христа на земле.

Но с земной его кончиной его великое дело не умерло, не заглохло, а все росло и укреплялось. За Христом следовали уже целые народы. Ради Него христиане тысячами гибли на арене римского Колизея. Христианство все более проникало и развивалось в Риме и Греции. Оно вступило в отчаянную борьбу с язычеством, и близко было то время, когда оно должно было великим светом любви победить этого своего врага.

В Скифии, однако, ничто не подтверждало собой пророчества апостола, ничто не указывало на его близкое исполнение. Там все было по-прежнему. По-прежнему ласково, нежно светило с голубых небес солнышко. Так же, как и прежде, голубой лентой извивался среди безграничных степей и непроходимых лесов красавец Днепр.

Изменились только те горы, с которых вдохновенный проповедник вещал свое пророчество о великом будущем земли славянской.

Поредел дремучий лес на этих горах. Видны повсюду стволы вековых лесных великанов, под корень срубленных острыми топорами, видны невыкорчеванные пни, слышны веселый шум голосов, бряцанье железа, крики.

Птицы, привыкшие к недавнему еще безмолвию этой местности, с испугом улетають прочь. Они понять не могут, что делают здесь эти люди, зачем пришли сюда и разом нарушили царившую целые века мертвую тишину. Но птицы должны были бы привыкнуть ко всему происходящему теперь на этих высотах.

Не первый уже день, много-много десятков лет тому назад началось это.

Как это началось и как все устроилось – рассказать обо всем этом читателям и будет задачей нашего повествования, а для того, чтобы выполнить ее, нам необходимо перенестись нашим воображением на берега великого славянского озера Ильмень, вокруг которого жили племена коренных русских славян.

В солнечный день

*Отраден солнца яркий свет, он душу оживляет.
Старинное стихотворение*

Что за чудный летний день!

Право, давным-давно уже не выдавалось такого день ка на суровом севере. Над Ильменем вечно небо хмурится, бродят по нему грозные тучи, каждый миг буря зареветь готова, гром – загрохотать, молния – засверкать.

А тут...

С выси поднебесной ярко, радостно веселое солнышко смотрит. Рассылает оно свои лучи по поднебесью, заливая светом своим веселым, радостным и поля, и дубравы, и Волхов старый.

Кто бы мог подумать, что с течением времени не только человек, но и сама мать-природа меняется. И заметно меняется. Многими фактами доказано, что тысячу с небольшим лет назад на севере нашей необъятной матушки-России климат не таков был, каков он теперь.

В самом деле, в те времена глубокой древности, когда начинается это повествование, климат России был совсем другой. Пока дикие, непроходимые леса покрывали собой всю среднюю и южную полосу от севера до востока, климат южной России был куда благоднее нынешнего. На севере же России и в средней полосе между лесами и болотами было значительно холоднее, чем теперь.

Да что древние времена! Еще в XVII веке виноград зрел в Киеве под открытым небом, а в южной России и представить себе никто из ее обитателей не мог таких холодов, которые свирепствуют там в настоящее время.

Теперь климат нашей матушки-России уравнился. На юге стало холоднее, на севере теплее. Прежде не то было. Оттого-то так и радуется народ приильменский веселому солнечному деньку. Редки они, деньки-то такие.

Особенно веселятся в роду приильменского старейшины Володислава, занявшего место над самым Новгородом, на левом берегу Ильменя, вблизи Перыни-холма, где стоял, возвышаясь над озером и сушей, гигантский идол грозного славянского бога Перуна-громовержца.

Могуч и богат этот род Володиславов. Немногие роды приильменские сравняются с ним в могуществе, богатстве и многолюдьи. Сколько у него пушных одних товаров заготовлено к проезду людей урманских – видимо-невидимо! Меха у него и довольствия разного, на самом деле, обилие такое, какое другим родам и во сне не снилось.

Не только богат и могуч, но и самостоятелен род Володиславов. Ни от кого не зависит он. Даже к пятинам Новгорода не приписан, а уж на что этот последний усилился после того, как перенесли его со старого городища на левый берег да стали в него съезжаться и весь, и меря, и кривичи, и мужи торговые из далекой Скандинавии, направляясь из-за бурного моря славянского Нево по великому пути своему в далекую и пышную Византию.

Родовой старейшина Володислав никого не боится, а с ним никого не страшатся и его родичи.

Вот и теперь поет, играет родовая молодежь, собравшись на лугу за своим селеньем. Молодежь и тысячу лет тому назад была молодежью, даже, пожалуй, еще лучшею, чем теперь. Искренности в ней было больше, чувства не притупились еще, а о «нервах», без которых теперь никто «обойтись не может», и понятия не имели. Оттого-то всем так и отрадно, всем так и весело. Слышен искренний веселый смех – смех здоровый, раскатистый, видны раскрасневшиеся от удовольствия лица, а нет-нет порой зальется, зазвенит и рассыплется звонкою трелью веселая песня.

А солнышко ласково, приветно смотрит на развеселившихся под его лучами молодцов и девиц-красавиц.

Даже старики выползли и греют на солнце свои старые кости. Сам Володислав с ними. Степенно, серьезно ведет он беседу, а сам нет-нет да и кинет любовный взгляд в сторону веселящейся молодежи, где с другими резвятся, поют и хоровод водят его дети.

– Слышал ты? – говорит Володиславу седой с выветрившимся лицом старик. – Есть из Ново-города вести, да такие, что очень позадуматься приходится.

– О Гостомысле ты?

– О нем, о посаднике новгородском.

– Больно мудрит он, да солеварам с Варяжского мирволит.

– Так ведь у них племянник его, Избор, старшинствоет.

– Из-за него и поблажает! Как бы от этих солеваров беды всему Приильменью не было. Большую они силу собирают.

– Много их за море уходит, да не мало и остается. Гостомysl с ними такую силу заберет, что весь Ильмень должен Ново-городу будет кланяться.

– И то уже слухи идут об этом. Беда с нашими варягами да и только!

Немало споров возбуждено было по поводу этого названия «варяг». Одни толкователи видели в нем какое-то отдельное племя, другие под этим названием подразумевали вообще наемного воина без различия национальности, третьи же настаивают, что «варяг» – слово русское, корень которого сохранился до настоящего времени в слове «предварять». Вообще же, по мнению последних, название «варяг» означало человека смелого, предприимчивого.

Наконец, есть указания на производность слова «варяг» от корня «вар» – «варить». Есть данные, по которым можно заключить, что у славян ильменских были свои собственные варяги. Так назывались отщепенцы и изгнанники разных славянских родов, поселившиеся на берегах впадающей в Ильмень речки Варяжки и занимавшиеся там солеварением. Многие из них уходили за Нево к скандинавам и поступали там в дружины викингов, сохраняя, однако, свое славянское наименование. С течением времени у скандинавов так стали называться вообще пришельцы, и так образовались варяжские дружины на скандинавском Севере. Очень может быть, что к общему названию для отличия одних пришельцев от других, то есть для различия их по национальностям, прибавлялось еще какое-нибудь особое прозвище, и так образовались в Скандинавии варяго-россы, иначе говоря, выходцы с Руси – с Ильмени, которые потом были призваны для устройства порядка на Ильмени, так легко укоренившиеся там благодаря своему славянскому происхождению.

Мы отвлеклись несколько от нашего повествования, но, на наш взгляд, подобное толкование спорного слова объясняет многое, и его мы примем в дальнейшем.

Теперь возвратимся к той беседе, которую вел со стариками Володислав.

– Слышал я, отец Витимир, слышал я все это, – отвечал говорившему старцу старейшина. – Что-то затевает Гостомysl.

– Не без этого. Недаром они всех созывают на вече: и из родов приильменских, и весь, и мерю, и кривичей. Что-то надумал он?

– Мудр Гостомysl и любит он родину свою, все свои помыслы направляет на счастье ее.

– Да вот, мудр он и разумен. А только не славянщину он любит.

– Что же?

– Новгород свой. Прирожденный новгородец, он об одном только Ново-городе и думает.

Новгород всегда был бельмом на глазу у всех приильменских славян. Разговор от Гостомысла и намерений мудрого посадника перешел к этой столице северной славянщины.

– Ох, посмотрите, не сносить нам от него, от Новгорода, своей головы, – толковали оживленно старики. – Нельзя ему такой силы давать.

– Чего там! Много нас ведь на Ильмене. Да и не один Новгород срублен мужиками славянскими. Забыли, что ли, кроме Ново-города, Киев, Смоленск, Чернигов есть, а кто из них сильнее?

Долго еще продолжался спор между стариками на эту тему.

Первая искра

*Русь сильна единойдержавною властью.
Историческая фраза*

С особенным почтением все в кругу, не исключая и Володислава, слушали древнего, высохшего от пережитых лет старика.

Это был Радбор, самый старый человек в роде Володислава. Долго жили тогда люди: никто из родичей не знал, сколько ему лет. Все, даже старики, помнили его седым и сторбленным.

Несмотря на ветхость и древность, память Радбор сохранил прекрасно. Он живо помнил старину и любил рассказывать про нее. Как только выдавался теплый денек, выползал Радбор на солнышко подставлять свое высохшее тело под ласковые лучи его, грелся и нежился, а вокруг него в это время собирались родичи, знавшие, что у Радбора всегда есть в запасе интересные рассказы про старину седую.

Так и теперь, когда повелась общая беседа, взоры всех обратились на Радбора. Все ждали, что он скажет, и всем интересно было знать, каково будет его мнение об ожидающихся событиях.

Когда в беседу вмешался Радбор, спор шел о могуществе славян.

– Сколько нас по лицу земли рассеялось! – горячился разговаривавший до того с Володиславом старик Витимир. – Разве по одному только Ильменю сидят роды наши? Куда ни пойдешь от моря Варяжского и до Сурожского, и до Хвалынского морей, везде однородцы наши есть, всюду гомон славянский слышишь, везде одним богам кланяются.

– Так, так! Верно говорят! Много нас, сильны мы, – слышались одобрительные восклицания. – Что и говорить! Вот наши города хотя бы взять! Чем не велик наш Новгород? Во всех странах, за всеми морями известен.

– Именно, везде известен! Мало, что ли, «гостей» с разных стран сюда собирается!

– А Киев-то!

– И Киев тоже! Родной он Новгороду.

– Да один ли Киев да Новгород в славянщине? А Изборск у кривичей, а Смоленск? Сильнее-то народа славянского нет нигде!

– Сильны мы, очень сильны! Что и говорить! – раздался слабый, дрожащий голос. – А всякий нас и обидит, и под палу, коли захочет, положить может.

Это говорил Радбор.

Все в кругу с любопытством обратились в его сторону.

– Что же, отец? – слышались спешные вопросы. – Скажи нам, почему это так?

– Да, отец, объясни нам, научи нас! Много ты на своем веку повидал, мудрость твоя известна всему Ильменю, так поведай нам, почему ты говоришь, что при всей силе нашей слабы мы и всякий, кто ни захочет, покорить нас может.

– Нас вот на Ильмени никто не покорял.

– Так на то вы и ильменские! Сюда, на Ильмень, и птица не всякая залетает, и зверь не всякий заходит, кто же вас сюда в полон брать придет? Разбежитесь по дубравам – и нет вас. А вот кто посильнее, придут и заберут всех, и данью обложат всех вас – все роды.

– Так мы прогоним их!

– Что ж, что прогоните! Сегодня прогнали, а завтра они опять придут и опять завладеют вами. А потому, что слабы вы, даже и на Ильмени, как все остальные.

Радбор, видимо, устал и остановился, чтобы перевести дыхание.

– Вот живем мы, а как, в самом деле, живем-то? – снова заговорил он. – Правда, много нас на земле живет, и все мы по одному говорим и одним богам кланяемся, а только беда наша в том, что нет согласия между нами никакого. Не живут в мире постоянном не только племена, но и роды даже. Всегда между нами бой смертельный идет. Древляне с окольных полян, что по Днепру живут, обижают, вятичи до радимичей идут, дреговичи кривичей воюют, и всегда где-нибудь бой идет, кровь льется. И какая кровь-то? Братская! Ведь и древляне, и бужане, и полочане, и дреговичи, и лутичи, и мы, ильменские, – все родные братья, все от одного корня приходим, а вот от раздоров этих и беды на нас разные идут.

Старик снова остановился.

Его слушали с затаенным дыханием, так как правдивость его слов была очевидна.

– Какие же беды, отец? – послышался робкий вопрос. – Вот хотя бы с дулебами...

– Что с дулебами? Расскажи!

– Давно уже это было, а память все еще свежа.

– Расскажи, расскажи, отец, что случилось в старинные времена с дулебами, мы же послушаем, да поучимся. Опыт разуму учит!

– Слушайте же, если знать хотите. Пусть рассказ мой в прок идет. Жили дулебы на истоках своего Немана, жили тихо, смирно, по зверя в леса ходили, рыбу ловили, никого они не трогали, только их самих иногда древляне дикие обижали. Братья-то Кий, Щек и Хорив только что с Дуная пришли и на днепровских горах у полян сели. Никто и подумать не мог тогда, что будет здесь город великий и нашему Ново-городу равный. Это он уже потом, спустя много-много времени, так вырос.

– А Расскажи отец, как Киев-город построился, – раздался чей-то вопрос.

– Киев-то? Да много слышал я о Киеве разного. Чему и верить, не знаю. Каждый о Киеве по-своему толкует.

– А вот ты сейчас нам рассказал, что братья с Дуная пришли.

– Говорили мне так, когда я был в землях полянских. Пришли три брата из далеких стран, что за Дунаем-рекой лежат, пришли они с дружиною сильной и осели на высотах приднепровских, благо поляне их добром пустили и боем на них не пошли. А осели они здесь с тем, чтобы с людей торговых, которые за Русское море в Византию ходили, дань собирать. Место-то там удобное – обе стороны с гор далеко вдаль видно, кто чуть на Днепре появился, сейчас видно, а снизу если кто пойдет, так пороги там, иначе, как волоком, и идти нельзя. Так и начали жить на высотах днепровских три брата с сестрой своей Лыбедью, а с их старшего брата по имени и городок Киевом прозван был.

– А городок-то как основался?

– Известно как! Братья тоже ведь не одни пришли – была с ними и дружина. Как осели они, сейчас к ним и от полян кое-кто присоединился. Вот и городок.

– А по-другому как рассказывают об его основании?

– По другому-то? А говорят, будто Кий, брат из трех старший, просто перевозчиком был. Перевозил через реку, кому это нужно было, с берега на другой – около этого и кормился, а народу тут переходило много, так много, что братьям и не справиться было. Люди задерживались, подолгу оставались тут, ну и чтоб время не терять, кто товары при себе имел, за торг принялся, а тут мужи свейские, кто из варяг в греки шли, тоже приставать начали, менять там, что у кого было, и пришлось осесть у ворот днепровских, осели и зажились, сперва селенье устроилось, а потом и город огородили.

– Ты бы, отец, про дулебов-то нам досказал, – вернул один из слушателей старика на прежнюю тему.

– Да, про дулебов! Вот ведь они, бедные, какую беду вынесли.

– Какую, отец, какую? – раздались голоса.

– Пришли к ним мужи обрские, пришли с оружием и стали воевать дулебов; те народ мирный, не ратный, не могли против них силы выставить, и победили их обры. А были они телом великие и умом гордые.

– Что же, данью обложили их обры?

– Данью одной, это ничего еще было бы. Не в первый раз племенам славянским дань платить, привыкли они к этому. А обры всячески надругались над покоренными. Вот тут и пострадали роды дулебские!

– Мучили их обры?

– И это бывало. А больше всего надругались. Вместо коней и волов они были у них!

Общий крик негодования прервал Радбора. Лица слушателей побледнели, глаза засверкали. Сказалось родственное племенное чувство. Ведь дулебы, как бы далеко они ни жили от Ильменя, но все-таки они, как выразился Радбор, были братьями им. Всякая обида, нанесенная им, гулко отдавалась во всех сердцах славянских! Текшая во всех славянских жилах одна кровь брала свое. Ссорясь и воюя между собой постоянно, славяне никогда этого не забывали, и при всякой дурной вести из славянских племен они готовы были кинуться за них на врага, но, увы, не было между ними объединяющего начала, единой власти, которой так сильна стала матушка-Россия в более поздние времена.

– Как куда нужно поехать обрину, – продолжал свой рассказ старый Радбор, – сейчас приказывает он запрячь в телегу свою не волов и не коней, а жен славянских, садится сам, так и едет!

– И возили? – послышался вопрос.

– Повезешь! Трех-четырех впрягали проклятые обрины.

– А мужи дулебские что же?

– Слабы они были. Где же им одним на обров пойти, а древляне, им соседние, по своим лесам рассеялись. Поди, лови их там.

– Как же избавились от обрского ига они?

– Сами боги на помощь им пришли. Пошла ходить по обрам болезнь страшная, кто ни заболит – все умирали, и дулебов много здесь погибло, но они все-таки остались, а обры так и перемерли, так что на земле дулебской ни одного обрина не осталось!

– И теперь на землях днепровских говорят, – заметил внимательно слушавший рассказа Володислав, – «погиб, как обры!».

– Это про тех, кто рода после себя не оставил, – добавил к его замечанию Радбор.

Некоторое время весь круг молчал.

– Вот к чему ведут несогласие и раздоры, – заговорил опять старик, – восстанет в землях славянских род на род, и не будет правды, а тут враг близко, с родами славянскими делает, что только хочет! А они все спорят между собой, кровь льют!

– Как же быть-то?

– Сплотиться всем воедино. Выбрать князя, чтобы всеми делами верховодил, на врага водил и от врагов со своими дружинами оборонял. Да чтобы ни вятичей, ни радимичей, ни полян, ни древлян, а были бы они все славяне. Вот тогда мы и сильны будем. Не найдется врага, который бы одолел нас! Сами всех и все сокрушим, как вода из прорвавшейся запруды все затопит, и не погибнет славянство во веки веков!

– Прав старик, прав! – раздались голоса.

Первая мысль об единой державной, все спланивающей власти была заронена.

Славянские ручьи и русское море

Славянские ручьи сольются в русском море...
А. С. Пушкин

*И стены древние Софии
В возобновленной Византии
Пусть осенит Христов алтарь!
Пади пред ним, о царь России,
И встань, как всеславянский царь!*

Ф. Тютчев

Если посмотреть на карту современной Европы, то непременно бросится в глаза огромная площадь, занимаемая нашей матушкой-Россией. В то время, когда начинается наш рассказ, славянские племена жили на большем, пожалуй, еще пространстве, чем занимаемое Россией ныне.

Они говорили на одном, всем им понятном языке, проникнуты были одним духом, образ правления у всех был одинаковый – выборный, и религия, за немногими исключениями, одна и та же.

Широко во все стороны раскинулись земли, занятые русскими славянами, составляющими ядро славянины, – то русское море, в котором рано или поздно должны слиться остальные славянские ручьи. Тысячу с небольшим лет назад, когда только начало образовываться русское государство, большая часть страны была покрыта дремучими лесами и болотами. Между ними, как будто на островах, по возможности ближе к рекам и озерам, жили отдельные славянские общины. Каждая из них управлялась своим старейшиной, но все эти общины составляли особые племена. В свою очередь эти племена придерживались двух главных союзов: северного и южного. Во главе первого стоял Новгород, во главе второго – Киев.

Такое первенствующее положение Ново-города и Киева в союзах славянских племен имело последствием то, что в них ранее, чем в других городах, развились торговля, гражданское устройство, просвещение. Здесь появились первые поэты-летописцы, в них сохранялись народные предания, память о всех делах союза, в них, наконец, творились суд и расправа и сосредотачивалась общеславянская деятельность.

Может быть, по этим соображениям северные саги называют Россию «Гардарики», то есть «страной городов», а византийские историки и восточные писатели называют Киев, близкий и более знакомый им, столицей земель славянских.

Первенствующим поселением в северном союзе были славяне новгородские. Они занимали площадь, вдававшуюся клином на север по Волхову, к озеру Нево (Ладожскому), на юг область новгородских славян простиралась не далее реки Межи, на восток примыкала к рекам Тихвинке, Чадогаше, Мологе, за которыми жили финские племена, и, наконец, на западе граничила с Ижорой, или Ингерманландией, и Эстляндией – маамиссами (чудью). Другим могучим славянским племенем были кривичи, занимавшие нынешнюю Витебскую, Псковскую, Тверскую, Смоленскую губернии и часть Могилевской. Они, кроме того, занимали верховья Днепра, Западной Двины и Волги. Затем шли полочане – ветвь кривичей, жившие по берегам реки Полоты; дреговичи – между Припятью и Двиной, в нынешней Минской и Витебской губерниях, дулебы – в нынешней Гродненской губернии.

В южном славянском союзе главенствующее положение занимали тихие и кроткие поляне, населявшие нынешнюю Киевскую губернию и распространившиеся по Днепру.

Далее, в лесах нынешней Волынской губернии жили древляне; по Бугу, впадающему в Вислу, – бужане. За бужанами к югу – волыняне; северяне – на берегах Десны и Семи, в губернии Черниговской; суличи – на Суле, литичи и тиверцы по Днестру, до Черного моря и Дуная; в губернии Подольской, части Галиции, Молдавии, Бесарабии – хорваты или карпаты, одноплеменные с белохрватами, принадлежавшими к союзу польских славян и жившими в части Галиции, примыкавшей к губерниям Волынской и Подольской; радимичи – в Могилевской и Смоленской губерниях, по реке Сож; вятичи – по Оке, в губерниях Калужской, Тульской, Орловской.

Так разлилось русское море по лицу земли славянской. Им одним, русским славянам, удалось образоваться в крепкое, мощное государство с первых лет своего основания. Много бед потерпело оно в течение тысячелетней жизни, но не сломилось под ударами их, а напротив, окрепло верностью и преданностью своим обычаям, заветам старины, установленным по собственной своей воле и почину единодержавной власти.

Кроме чисто славянских племен, составлявших ядро славянщины, непосредственную связь с ними имели, а затем целиком вошли в состав образовавшегося Русского государства племена: чудь, обитавшая на пространстве от Лифляндской губернии через Чудское озеро, верховья Плюссы и Луги до Невы и Ладожского озера в северной половине Лифляндской, Эстляндской и северо-западной части нынешней Петербургской губернии; весь, жившая от верховья Онеги через Бело-озеро, Шексну, Мологу, до Тверцы – в южной части Олонецкой, северо-восточной части Новгородской, половине Тверской и прилегающей к ней части Ярославской губерний; и меря, обитавшая в остальной, наибольшей части Владимирской и Московской губерний, занимая пространство по обеим сторонам Волги между Мологой и Унжой и простираясь на юг через Клязьму до Москвы-реки и на север до водораздела между верховьями реки Костромы и Унжи и бассейном Северной Двины (Сухоны и Юга).

На юго-востоке ближайшими соседями русских славян были и находились в безусловной тесной связи с их судьбой козары, кочевья которых простирались от Крыма и низовий Днепра чрез нынешнюю Екатеринославскую, юго-восточные части Харьковской и Воронежской губерний, и землю донских казаков до Нижней Волги, Саратовской и Астраханской губернии, а на юг до Кубани и Терека.

На западе соседствовали с русскими славянами их соплеменники, славяне вислянские – поляки, и на северо-западе племя литовско-латышское, по всей вероятности, тоже однородное со славянами.

Два главных племени российских славян, новгородское и киевское, стояли даже во времена глубокой древности на гораздо более высоком уровне развития, чем остальные славянские племена. Северные славяне, живя по соседству с враждебной Литвой и финскими племенами, волей-неволей должны были войти с ними в близкие и дружеские отношения, установившиеся, по всей вероятности, после долгих кровопролитных войн, в которых то одно, то другое племя попеременно выходило победителем.

В северном союзе чудь, племя сильное и многочисленное, имело большое влияние в последующие времена; оно было постоянным союзником ильменских или новгородских славян во всех их битвах за независимость и принимало участие в делах государственных. Это впоследствии привело к тому, что чудь слилась со славянами и вошла в общий состав их племен.

Между собой два главных союза славянских жили далеко не мирно. С одной стороны, не было крепкой власти, которая бы прочно соединила их, с другой – интересы их, в особенности интересы торговые, постоянно сталкивались. Кажется, именно это соперничество и порождало всегда неприязненные отношения между киевлянами и новгородцами. Все славяне торговали одним товаром, следовательно, встречаться им приходилось как конкурентам, а отсюда возникла и рознь.

Казалось, сама судьба готовила ильменских (северных) славян к той роли, которую потом пришлось им сыграть в общем ходе исторических событий.

Славяне русские, и в особенности северные, всегда любили жить в больших селениях и деревнях. Это способствовало развитию у них начал демократии, усовершенствованию ремесел и поддержанию духа общительности и соперничества. Малороссийские хутора и тогда, как и теперь, были неизвестны на севере. Вообще, славяне были охочи до многолюдных собраний и терпеть не могли уединения. Несторовы «игрища» на улицах и за селениями существуют и поныне. Женщины пользовались полною свободою, принимали всегда участие в забавах и играх и даже первенствовали в них. До позднейших времен – татарщины – не в обычае было у наших предков запираť своих жен и дочерей в терема, напротив, они пользовались полною свободою.

Пища у наших предков была та же самая, что и теперь у простого народа – мещан, мелкого купечества, но в этом отношении славяне ильменские, северные, значительно разнились от своих южных сородичей. Кушанья одних были совсем не употребительны и даже не известны другим. На севере любимыми блюдами были щи, каша, пироги, холодное мясо, кисель, квас. На юге – борщ, вареники, пампушки, жареное мясо. На севере не умели и не умеют печь южного хлеба, на юге не знали и не знают северных саяк, калачей.

В одном только отношении сходились как будто наши предки: пиво и хмельной мед варились везде, и на Ильмене, и на Днепре и, как кажется, везде по одному и тому же рецепту – как можно крепче, даже во времена глубочайшей древности.

Одежда северных славян всегда отличалась своим покроем от одежды южных.

Длинная одежда в старину употреблялась только почетными гражданами, одежда простых славян была короткой, до колен: полушубки, полукафтаны и несуровое исподнее платье. Нарядные шапки всегда были высокие. Покрой так называемой «русской рубахи» не употреблялся южными славянами. Русские древние сарафаны, кокошники, кички, повязки неизвестны и теперь на юге. Там женщины обертывают голову холстом в виде тюрбана, а летом ходят в одном белье, надевая только поверх него паневу. Неизвестно, когда южные славяне стали брить бороду и голову, оставляя только чуб, но северные никогда не трогали волос ни на голове, ни на бороде, считая последнюю украшением мужа.

Наконец, даже сами жилища славян северных и южных значительно разнились между собой. В общем смысле жилище одной семьи называлось двором. Дом и все хозяйственные строения и в городах и в селениях на севере носили название избы, на юге – хаты. Курная изба – это необходимая принадлежность севера, но нет никакого сомнения, что более зажиточные люди жили в городе в светлых и чистых покоех.

Занятием северных славян главным образом были звериный и рыбный промысел, пчеловодство и затем уже земледелие. Южные славяне преимущественно занимались скотоводством, земледелием, пчеловодством, а звериной и рыбной ловлей не пренебрегали только в зимнее время.

Таково было «славянское море» в то время, когда начинается наш рассказ. Да простит нам читатель это отступление, но мы надеемся, что, прочтя эти строки, он будет иметь понятие о быте предков.

Кудесник

*Скажи мне кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною.*

А. С. Пушкин

Красив лицом и статен фигурой единственный сын Володислава, молодой Вадим, – красивее его, пожалуй, и во всем Приильменье нет. Только не такого сына хотелось иметь Володиславу. Нельзя сказать, чтобы Вадим трусом был, нет, этого не было, а только он характером какой-то странный выдался. Хитры, ох, хитры были наши предки, но вместе с тем и прямодушны. Хитры в охотничьих уловках, в гоньбе за зверями, в борьбе с врагом, зато в отношениях друг с другом, между собою, прямодушнее их людей не было.

А старейшинский сын совсем каким-то вырождаком казался.

С малых лет в нем вероломство замечалось. Обмануть хотя бы первого друга, насмеяться над ним, зло ему безо всякой причины сделать, – на все это Вадим, как никто, способен был.

И вечно он в каком-то беспокойстве находился.

Чего-то постоянно боялся старейшинский сын, чего-то искал все и не находил.

Так и теперь. Веселится молодежь, смеется, поет, хороводы водит, а Вадим грустный и задумчивый сидит поодаль и, не обращая ни на что внимания, смотрит, словно бесцельно, вдаль.

Сильно побаивался Вадим ночи, которая должна была последовать за этим днем.

Многого для себя ждал он от нее.

Задумал он узнать свое будущее и в эту ночь тихонько ото всех своих домашних решился отправиться в чащу дремучего приильменского леса к выходцу из стран болгарских Малу, которого все в Приильменье считали ведуном будущего – кудесником.

Путь предстоял далекий и трудный. Нужно было обскákat на коне по едва заметным лесным тропинкам чуть не пол-Ильменя, чтобы добраться до той чащобы, где жил старый Мал.

Да еще и это не все. Старый кудесник не ко всякому выходил на зов. К нему ездили многие – и из приильменских родов, и из Новгорода, но чаще всего возвращались ни с чем. Мал не откликался на зов, а те, кто пробовал искать его, только блуждали напрасно по лесу, и были случаи, что даже пропадали там, не находя дороги.

К этому-то Малу и собрался старейшинский сын Вадим.

Едва только стемнело, он потихоньку вывел за околицу оседланного коня и, даже не простившись с матерью Богумилой, не замеченный никем, помчался в свой далекий и опасный путь.

Скоро после коротких сумерек над землей славянской спустилась тьма. Все на Ильмене заснуло. Вадима пугала мертвая тишина. Он затрясся всем телом, когда дорога пошла наконец по лесу. Привычный конь, однако, осторожно пробирался по узкой, едва заметной тропинке, храпя и прядая ушами. Вадим бросил на шею коня поводья и отдался инстинкту чуткого животного, заботясь только о том, чтобы не удариться головой о густо переплетшиеся ветви гигантских деревьев.

Лес становился все гуще, все мрачнее.

Чем дальше в лесную чащу пробирался конь, тем сильнее сплетались ветви деревьев, и лес высокой стеной вставал перед всадником.

«Что это, никак я сбился с дороги? – подумал Вадим. – Не может быть. Слишком хорошо мне указывали путь к старому Малу. Именно здесь должна стоять его избушка».

Блеснувшая на небе зарница на мгновение осветила мрачную прогалину, на которой остановился Вадим. Высокие столетние сосны задирали свои зеленые макушки. Старейшинский сын ясно различил три из них, одиноко стоящие среди прогалины.

– Здесь, здесь, вот и сосны, о которых мне говорили, – радостно прошептал он и быстро соскочил с коня.

Привязав скакуна к толстому суку ближайшего дерева, Вадим вышел на середину прогалины и, приложив ко рту руку воронкой, закричал, что только было силы:

– Мал! Старый Мал! Мал, проснись и выйди ко мне, я стою здесь, у трех сосен, и жду тебя; ты мне нужен, Мал, ты знаешь волю богов, я пришел к тебе узнать ее. Ты должен мне поведать ее! Выйди, Мал! Явись, старый Мал!

Но никто не ответил Вадиму на его призыв. Только могучее эхо разнесло громкий крик, вторя ему во всех уголках дремучего леса.

– Мал, приди! – повторил еще громче Вадим.

Он уже начинал терять терпение. Ему стало казаться, что его обманули, сообщив, что здесь, в этой лесной чащобе, живет славный кудесник Мал – выходец из стран болгарских. Все прибрежные земли Ильменя были полны славою этого кудесника. Мало кто его видел, но те, кому повезло, уходили с полной уверенностью, что Мал – любимец богов и по силе своих прорицаний не уступит, пожалуй, и самому перунскому жрецу Велемиру.

«Только Мал мне и может помочь», – решил однажды Вадим и, разузнав дорогу к хижине болгарского кудесника, при первом же удобном случае помчался туда.

Долго он призывал к себе Мала, но лес по-прежнему оставался безмолвным. Даже разбуженные громкими криками Вадима птицы, попривыкнув к ним, замолкли и перестали летать в ночной тьме.

Вадим, не слыша никакого ответа на свои призывы, пришел в отчаянье. Больше всего его смущало то, что придуманный им верный план мести и уничтожения врага не удавался – Мал не хотел выйти из своей берлоги.

Начинало уже светать. Сквозь чащу деревьев видно было, как заалело небо, послышалось щебетанье ранних птичек, подул холодный легкий ветерок, этот первый вестник наступающего дня.

Вадим, постояв в раздумье, решил было уже отправиться восвояси.

– Мал! Выйди! – еще раз крикнул он.

Но вдруг, заметив зашевелившиеся ветви деревьев, Вадим задрожал всем своим телом.

Росший по окраинам лесной прогалины кустарник несколько раздвинулся и пропустил какое-то существо, мало походившее на человека.

Оно было согнуто в три погибели и, благодаря палке, на которую опиралось, казалось каким-то трехногим диковинным зверем. Длинная грива седых волос спускалась по плечам и спине почти до самой земли. Лица под высокой, с острым верхом шапкой и волосами не было видно. Только одни глаза светились почти юношеским блеском.

Это и был Мал – кудесник болгарский.

Вадим перепугался. Появление этого страшного существа, которое он незадолго перед тем так страстно желал видеть, наполняло теперь его душу ужасом. Он весь дрожал, как в лихорадке, а страшный Мал подходил все ближе и ближе.

– Добро пожаловать, княжич! – прохрипел кудесник. – Заждался ты меня, да ничего это, другие и еще дольше ждут старого Мала. Только для тебя одного вышел я так скоро. Знаю я, как рвется на части твое сердце молодое, знаю, чего ты ждешь от меня, все знаю. Не утаишь ты от меня ни одной думушки своей сокровенной. Что же стоишь? Чего дрожишь, как лист древесный осенью? На смерть идти не боишься, а тут тебя человек обыкновенный пугает. Эх, эх! Не такие молодцы на родине моей в славном Ателегороде. Так-то! – Мал в упор посмотрел на смущенного и перепуганного Вадима и громко захохотал.

– Кто ты, страшный старик, скажи? – вскричал юноша.

– Кто я? А зачем это тебе знать, гордый старейшинский сын? Сам ты должен был знать это, прежде чем ступить на эту прогалину и вызвать меня. Да, впрочем, скажу я тебе. Далеко-далеко отсюда, на большой реке у моря Хвалынского, стоит славный Атель, чтобы попасть в него, через много племен пройти нужно. Болгары, узы, печенеги путь смельчаку преграждать будут и, если только не родился под звездой счастливой, забелеют его кости в степях печенежских. Оттуда и я родом. Ханам козарским я верным слугою был и в их земле постиг премудрость кудесническую. Все постиг я, и дорого мне стало это. Видишь, теперь я какой? А ведь когда-то и мой стан был так же прям, как и твой, и мое сердце билось любовью к красным девицам. Ох, давно, давно это было. Согнулся стан мой, крепости нет в руках моих, ноги не держат, без помощи ходить не могу. Умер я телом, в прах, в тлю превратился. Зато духом живу. Умерло тело, проснулся дух. Все я постиг на белом свете, все знаю; и ход светил там, на небе, мне известен, и тайна жизни и смерти, и будущего. Умею и думы читать чужие, и знаю, чье сердце чем бьется. Знаю, зачем ты пришел ко мне. Хочешь, скажу, не дожидаясь, что ждет тебя в грядущем?

Вадим в волнении слушал отрывистую речь кудесника. Оторопь охватила его. Ему казалось, что какая-то невидимая сила заставляет его слушать Мала, приковывает к месту.

– Хочешь, хочешь? – приставал тот, пристально смотря своими маленькими сверкающими глазами на юношу.

– Скажи, – тихо проговорил тот, не будучи в силах оторвать своего взгляда от страшного старика.

Мал залился тихим смехом, от которого задрожало все его старое тело.

– Так пойдем же, пойдем ко мне, – схватил он за руку юношу, – пойдем. Но прежде чем нож тебе заговорить, будущее я тебе покажу. Узнай, что ждет тебя в тумане грядущего. Узнай и помни: того, что увидишь, не избежать тебе.

Рано или поздно исполнится оно над тобою.

Он потащил Вадима через кустарник.

Густые заросли отделяли эту прогалину, на которой происходил их разговор, от другой, небольшой. На ней, под низко нависшими ветвями елей и сосен, стояла жалкая лачуга Мала. Ни дверей, ни окон не было. Низкое и узкое отверстие вело внутрь. Даже Мал должен был согнуться, чтобы пройти через него, а высокому Вадиму пришлось пробираться внутрь ползком.

Удушливый запах гари и каких-то трав стоял в лачуге. Вадим чуть не задохнулся, попав в нее. Мал заметил это.

– Не прогневайся, сын старейшинский, – сказал он, – убоги мои палаты, но ты сам, незваный, пришел в них.

Он раздул едва тлевший посреди лачуги уголек.

Вспыхнул костер, и тут только Вадим мог разглядеть внутренность странного жилища. Со всех сторон глядели на него, разинув беззубые челюсти, человеческие черепа.

В одном углу бился черный, как смоль, слепой ворон.

Пол лачуги кишел ужами, ящерицами. Вадим едва смог подавить в себе чувство гадливости, но, взглянув на Мала, он вдруг удивился.

Перед ним был вовсе не дряхлый, сторбленный старик. Стан кудесника выпрямился, клюка валялась далеко от него. Он казался сразу помолодевшим на много-много лет.

– Ты хотел знать свое грядущее, я покажу тебе его, не страшись только, – громко проговорил он.

Завеса грядущего

Грядущего годы таятся во мгле...
А. С. Пушкин

У Вадима вдруг закружилась голова от внезапно распространившегося по лачуге одуряющего запаха какой-то едкой травы. Огонь в костре разом вспыхнул. Повалил из него густой дым, который сперва тянулся по потолку, а потом, не найдя себе выхода, наполнил всю лачугу. Наконец дым спустился так, что окутал собой совершенно фигуру болгарского кудесника. Теперь Вадим перестал совсем различать окружающее. Слепой ворон отчаянно захлопал крыльями, мечась из угла в угол.

Юноше показалось, что земляной пол лачужки уходит у него из-под ног и сам он проваливается в какую-то бездну. Он широко взмахнул руками, как бы ища точку опоры, и почувствовал, что схватился за чью-то горячую руку.

– Смотри, – раздался у него над самым ухом голос старого кудесника.

Точно какая-то завеса упала разом, и перед Вадимом открылась страшная картина.

Обширное поле, все сплошь устланное трупами.

Куда ни взглядывал юноша, всюду была кровь и кровь.

Видны были похожие по костюму на славян ильменские ратники. Кто обезглавлен, у кого из широких ран на груди бьет горячая кровь, некоторые только ранены; одни вздрагивают еще в предсмертной агонии, другие корчатся в страшных муках, а над полем так и реют, так и реют хищные птицы.

Вдали видно зарево разгорающегося пожара.

Что это? Местность, как будто, Вадиму очень знакомая, много-много раз виденная.

Юноша напряженно стал вглядываться в открывавшуюся перед ним картину, стараясь припомнить, где он видел ее.

Нет, такую, разоренную, опустошенную, он эту местность никогда не видел, а напротив, видел цветущею, веселою.

Вадим узнал наконец и это покрытое трупами поле, и эти останки погорелого селенья.

Это – его родные места! Вот и бесконечная гладь Ильменя чернеет сквозь просвет просеки.

Но кто же пришел на нее войной, кто выжег цветущее селение Володислава, кто усеял это поле трупами?

– Старик, старик, покажи мне виновника этого, – судорожно сжимая руку Мала, прошептал Вадим.

– погоди, сейчас увидишь, – отвечал кудесник, – смотри внимательно, он немедленно явится пред твоими очами!

Густой клуб дыма застлал и поле, покрытое трупами, и останки сгоревшего селенья.

Когда дым несколько рассеялся, Вадиму представилось новое видение.

То же поле, но только с другой стороны. Зарева пожара не видно, только тела убитых навалены грудой. В этом месте, очевидно, происходила самая жаркая сеча. Видит Вадим, что здесь не все еще умерли, есть и живые, и вот один, лежавший дотоле неподвижно, человек с широкой зияющей раной на груди, приподнялся и мутным взором обвел вокруг все поля, как бы умоляя о пощаде.

Вадим вгляделся в него и вдруг задрожал.

В этом несчастном, оставленном на поле битвы, он узнал самого себя! Неужели такая участь ждет его? Неужели он именно так погибнет, не успев отомстить врагам?

Еще пристальнее, еще напряженнее стал вглядываться юноша в эту рисовавшуюся в дыму картину, и вдруг его внимание было привлечено как бы отдаленным лязгом оружия, доносившимся до его слуха. Он видел, как беспомощный двойник его тоже повернул свою окровавленную голову в том направлении, откуда доносился звон.

По полю шли несколько закованных с ног до головы в железо людей.

Такое вооружение Вадим видел и раньше, поэтому легко узнал в этих людях грозных норманнов. Один из них, шедший впереди, высокий, рослый и богато вооруженный, судя по тому почтению, с которым относились к нему остальные, – главный начальник, повернулся, и Вадим узнал в нем своего заклятого врага, Избора.

– Вот виновник всего, всего и твоей гибели, – раздался прямо над ухом его шепот Мала.

– Так никуда же не уйдет он от меня! – громко воскликнул обезумевший юноша и, вырвавшись из рук кудесника, кинулся вперед, на своего воображаемого врага.

Дым разом охватил его. У юноши подкосились ноги, и он без чувств рухнул на пол лачуги.

Очнулся Вадим уже на свежем воздухе. Утро совсем наступило. Солнце ярко сияло на небе, кидая с небесной выси свои золотые лучи на лесную прогалину.

Легкий ветерок с приятным шелестом пробегал по деревьям, разнося повсюду утреннюю прохладу.

Юноша с усилием поднял голову – она была тяжела и нестерпимо болела, как после сильного угара, в висках жгло, в глазах ходили зеленые круги, все тело было как будто свинцом налитое.

– Что со мной? Где я? – прошептал Вадим и огляделся вокруг.

Невдалеке от него стоял, опершись о клюку, кудесник Мал.

– О! – простонал старейшинский сын. – Зачем, зачем ты, кудесник, показал мне все это? К чему лишние муки, лишние страдания?

– Ты сам пожелал, сам и вини себя, – коротко ответил Мал, – я не мог ничего изменить.

– Неужели же я кончу так, как видел это в дыму?

– Такова воля богов!

– Нет, нет, не хочу. Я не за тем к тебе пришел, чтобы смущать себя разными твоими колдовствами, слышишь, не затем. Ты должен был заговорить мне нож на моего врага!

Исполнил ли ты это?

– Увы, нет.

– Как, старик! – вскричал в неистовстве Вадим. – Презренный обманщик! Как ты смел послушаться меня?

– Я повинуюсь только высшей силе, человеческая же для меня ничто, – совершенно спокойно сказал Мал, – ты мне приказывать не можешь!

– Так я заставляю тебя, иначе ты не доживешь до того времени, когда тень этой сосны прямо падет на землю.

– Попробуй!

Вадим, забыв себя от бешенства, кинулся было на старика, но вдруг точно какая-то неведомая сила оттолкнула его назад. Мал стоял спокойный и недвижимый, только взгляд его живых пронизательных глаз был устремлен на старейшинского сына. В этом взгляде было что-то, что заставило Вадима опомниться и в бессилии опустить руки.

Так прошло какое-то время.

– Что же ты, гордый старейшинский сын, не заставляешь старого Мала выполнять твои приказания? – заговорил наконец кудесник. – Чего ты испугался? Начинай. Видишь, здесь никого нет, кроме нас двоих. Ты можешь быть уверен, что за смерть старого Мала отомстить будет некому.

– Прости! – чуть не с рыданиями вымолвил Вадим.

– Теперь ты чувствуешь, что не все в воле человека и не везде поможет сила. Знай же, есть и нечто другое, более могущественное, чем сила богатырей. Это таинственная сила, немногие владеют ею, и я в числе этих немногих.

– Отец, отец, молю тебя, исполни, что прошу, – упал Вадим на колена перед Малом, – заговори мне нож, я увидел свое будущее и уверен, что если я уничтожу врага, то не погибну так, как видел это там.

Мал отрицательно покачал головой:

– Я уже сказал тебе, юноша, что есть иная, таинственная сила, против которой не человеку бороться. Избранники ее всегда останутся целы и невредимы. Ничего не может повредить им. Твой враг принадлежит к их числу. Напрасно я пытался исполнить твою просьбу – нет, мои чары бессильны. Я не могу заговорить твой нож на Избора, его бережет сама судьба!

– Так нет же! – вскочил на ноги Вадим. – Я и без заговоров сумею обойтись! Напрасно я послушался лживых советов и обратился к тебе, жалкий старик, ничему из твоих волхвований не верю я, слышишь, не верю, и ты, может быть, скоро услышишь, что твой избранник судьбы будет лежать бездыханным у моих ног.

Он быстро вскочил на отдохнувшего коня и, кинув злобный взгляд на Мала, стрелой умчался с лесной прогалины.

Старый кудесник, глядя ему вслед, качал головой.

На Варяжке

Лихой конь быстро вынес Вадима из чащи и, чувствуя, что его всадник бросил повод, помчался вперед по едва заметной тропинке.

Вадим совсем не замечал, куда несет его конь. В сердце его кипели злоба, отчаяние, ужас за будущее.

То, что он видел в избушке чаровника Мала, казалось ему невероятным. Ему в первую минуту пришла мысль, что все это ужасный, тяжелый сон, но и эта мысль несколько не успокоила юношу: совсем независимо от самого себя, от своего сознания, Вадим в глубине души все-таки верил этому сну.

А лихой конь мчался во весь опор. Среди деревьев показался просвет. Еще несколько мгновений и чаща осталась позади. Тут только Вадим пришел в себя.

Юноша огляделся вокруг. Позади шумел и покачивал своими зелеными макушками дремучий лес, а впереди, совсем близко, расстилалась гладь великого озера славянского – Ильменя.

Почувствовав свободу, конь понес старейшинского сына в сторону, совсем противоположную той, с которой въехал в лес Вадим, отыскивая логовище болгарского кудесника.

Ильмень был довольно спокоен. Изредка всплескивались на его все-таки покрытой рябью поверхности зеленые гребешки, но он показался Вадиму таким необъятно великим, что юноша невольно пришел в отчаяние.

Действительно, положение его стало тяжелым. Нечего было и думать вернуться обратно в лес, потеряна была тропа, да и сторона эта была совсем незнакома старейшинскому сыну.

Он рисковал заблудиться, если бы решил отыскивать дорогу обратно через лес. Ехать вдоль озера со стороны Новгорода было неудобно – мешали деревья, подступавшие к самой воде. Оставалось одно: объезжать Ильмень с противоположной стороны, то есть воспользоваться путем долгим, но достаточно легким.

А между тем, Вадим чувствовал, что силы его были на исходе. Голова страшно кружилась, в висках стучало, он едва держался на ногах.

«Что же, погибать, что ли?» – промелькнула страшная мысль, и Вадим почувствовал, что его всего обдало холодом.

Мысли путались в голове юноши, как будто какой-то туман окутывал его. Вдруг что-то как будто ударило его в темя; Вадим почувствовал, что ему не хватает дыхания, покачнувшись и тяжело рухнул с коня на расстилавшийся у его ног зеленый ковер травы.

Солнце ярко светило с безоблачного неба.

Когда Вадим несколько пришел в себя, он смутно расслышал совсем близко шум голосов. Много людей говорило разом. Слышались смех, брань, бряцанье железа, лай псов. Порой среди хаоса звуков вдруг прорывалась звонкая веселая песня.

«Где я? Что со мной?» – подумал Вадим и попробовал открыть глаза. Но веки его были необыкновенно тяжелы, а во всем теле чувствовалась гнетущая вялость.

– Лежи, лежи уж, – послышался над ним грубый мужской голос, – отлежишься, сам встанешь.

– Да не голоден ли он? – раздался другой голос.

– А вот встанет, тогда и накормим.

Вадим сделал над собой усилие и открыл глаза:

– Пить, – простонал он чуть слышно.

Несколько рук тотчас потянулось к нему с ковшами, полными холодной чистой воды.

– Где я? – прошептал Вадим, утолив жажду и приподнимаясь на локтях.

С удивлением огляделся он вокруг. Впереди, как и перед тем, когда он потерял сознание, расстилалась неоглядная ширь Ильменя. Только вокруг него теперь суетились и копошились люди. Все они были молоды, крепки, сильны. Одежды их были в лохмотьях, лица загорелые, зато каждый имел оружие, какое и в Новгороде являлось редкостью: тяжелые секиры, мечи, луки с полными стрел колчанами виднелись у всех. Очевидно, это оружие не новгородское, а выменянное у заезжих норманнов.

Вадим заметил, что находится на отлогом берегу неширокой, но быстрой речки. На песке разложены были рыболовные снасти, у шалашей дымились костры, на которых что-то варилось в огромных, самодельной работы посудинах.

«Да где же это я? Неужели на Варяжке?» – уже про себя подумал Вадим и тут же убедился, что он находится именно среди тех, кого глубоко ненавидел и презирал, – среди славянских варягов.

Он вспомнил, что упал с коня где-то там, у дубравы, и понял, что истома, волнение, усталость, перенесенный в избушке Мала ужас так повлияли на него, что он вторично за это утро потерял сознание.

Теперь страх снова овладел Вадимом. Он действительно находился на Варяжке. Юноше было известно, что здесь очень и очень недолюбливали его род.

– А мы думали было, что ты и не отдышишься, – громко смеясь неизвестно чему, проговорил рослый варяг, принимая из рук Вадима ковш. – Пласт-пластом лежал ты.

Говоривший указал в ту сторону, где чернел дремучий лес, в глубине которого жил болгарский кудесник.

– Ты как попал-то туда? Не из здешних ведь сам! Почитай, к нашему Малу колдовать ездил? – посыпались со всех сторон вопросы.

– Нет, так просто, в лесу заблудился, – неизвестно для чего скрыл истинную причину своего появления здесь Вадим.

– А то много новгородских к Малу ездят! А ты также из Ново-города?

– Нет! Не новгородский я!

– Так из какого же рода?

Эти расспросы были Вадиму очень неприятны, но на этот раз он не счел нужным скрывать и ответил прямо:

– Из Володиславова!

И тотчас же раскаялся в своей откровенности.

Лишь только он назвал свой род, как среди окружавших его молодцов послышались далеко не дружелюбные выкрики.

– Из Володиславова? – покачал головой говоривший с Вадимом варяг. – Не любят нас в этом роду! Сильно не любят! Что только мы им такое сделали? Своих не трогаем, а так бы нас, кажется, со света и сжили ваши.

– Не знаю я. Я ничего, – пролепетал не на шутку перепугавшийся Вадим, – мне вы не мешаете.

– А уж кабы мы знали, что он из Володиславовых, так и подобрать бы не стали, – довольно громко сказали двое молодцов, в которых Вадим по этому признал принесших его на Варяжку рыболовов.

– Мы вот здесь живем мирно, – продолжал первый варяг, – ловим рыбу, зверя бьем, а что мы ушли из родов ваших, так до этого никому дела нет. Мы все сами по себе. Здесь поживем, соберется ватага, и уйдем мы за Нево, к северным людям, вот у вас и спокойно будет.

– Добрые люди, окажите мне милость, – перебил говорившего Вадим, – не держите меня здесь, перевезите через Ильмень к родичам!

– Нет, и не проси об этом! – послышались голоса. – Вон какие тучи над Ильменем собираются, гроза будет.

Вадим в изнеможении снова опустился на землю.

Он ушел тайком и предчувствовал, какой переполох может произвести в доме отца его исчезновение.

Старейшинский сын в эту минуту забыл и о мрачном предсказании Мала, и о собственной слабости.

– Как, неужели же никого не найдется среди вас, кто бы перевез меня? – с отчаянием в голосе воскликнул он, оглядывая мрачные лица варягов, окружавших его плотной стеной.

– Если угодно, княжич, так я могу услужить тебе, – раздался вдруг звучный голос.

Говоривший был статный юноша. Все отличительные черты славянского племени ясно в нем выразились. Густые русые волосы рассыпались по богатырским плечам. Смуглое от загара лицо с голубыми, как летнее небо, глазами, смотревшими кротко, добродушно, но вместе с тем несколько хитро, обрамляла небольшая, также русая борода с мягкими, как шелк волосами.

Он был очень молод, но физическая мощь так и сказывалась во всей его крупной, богатырской фигуре. Мускулы на его руках так и вздувались при каждом напряжении, а через весь лоб проходила синяя жила, ясно видная даже под загаром.

Одет он был неряшливо: прямо на рубаху накинута шкура козы, ноги обернуты также в кожу. Очевидно, этому юноше, как большинству наших предков, некогда было заботиться о своей внешности. Главной красотой его были здоровье, мощь, легкость, а до всего остального ему не было вовсе никакого дела. Казалось даже, что и мылся-то он еще всего один раз в жизни.

– Избор! – воскликнул чуть не с ужасом Вадим.

– Да, я, княжич, неужели ты боишься мне довериться?

– Нет, нет, я готов идти с тобой! – теперь уже с радостью воскликнул Вадим.

– Пойдем. Я вполне готов идти.

– Но ведь это сын Володислава! – угрожающим тоном произнес один из варягов. – Оставь его, Избор, не стоит он того, чтобы ты ради него не щадил своей жизни. Гляди, какие тучи на небе.

– Ничего, я знаю Ильмень! – возразил ему Избор. – Я не боюсь грозы!

Он сам спешил на тот берег Ильменя в надежде повидать свою возлюбленную.

Никакое мрачное предчувствие не шевельнулось в его душе.

Он знал, что Вадим не особенно расположен к нему, но все-таки был далек от мысли, что оказывает услугу своему заклятому врагу.

В объятиях смерти

Необъятной водной пустыней раскинулся среди своих низких берегов старый Ильмень. С середины его зоркий глаз еще кое-как заметит далеко-далеко на горизонте тоненькую черточку – берег, но с одного края на другой ни чего не видно. Плещут только мутные валы с зеленоватыми гребешками, и постоянно плещут – бурливее Ильменя и озера, пожалуй, нет.

Так, по крайней мере, думали в то время.

Действительно, морем казался местным славянам их старый Ильмень – он ведь и тогда был таким же старым, как и сама земля. Залег он в низкие свои берега, среди лесов дремучих, залег и бурлит день и ночь, пока суровый мороз не наложит на него свои ледяные оковы. И тогда он, особенно ближе к весне, нет-нет, да и разбушует. Недаром не одни только реки да речонки в него свои воды несут, есть и подземные ключи, что славное озеро славянское питают. Напоят они его своей водой досыта, почует старик свою силу, встрепет, взломает лед; но хитер и силен мороз, не дает до весны разгуляться ему, снова сокрушит его порыв могучий и уложит силу молодецкую под покров ледяной.

А как подойдет весна-красна – ну, тут уже никому не справиться с Ильменем-молодцом. Разбушует он, разбурлит, переломает лед рыхлый и снова, как феникс из пепла, встанет грозный, величавый, могучий.

Страшен Ильмень в бурю.

Нет почти у него высоких берегов. Нечему защитить его от порыва ветра. Весь он как на ладони. Ветру – гуляй не хочу.

И ветер гуляет.

Налетит – разом зеленоватыми гребешками вся поверхность Ильменя покроется, валы, один другого выше, так и вздымаются и брызжут пеной, со дна же песок, трава так и поднимаются, потому что неглубок Ильмень и волны легко песок на поверхность выносят.

Горе неопытному пловцу, что в бурю рискнет на озеро выйти. Не миновать ему гибели. Где же слабому человеку с разъяренной стихией справиться! Закрутят его валы грозные, опрокинут утлое суденышко, захлещут его водой – нет спасения.

Вот и теперь нависли над Ильменем тучи черные, грозные, низко совсем плывут они по поднебесью.

День они затуманили, солнце скрыли. Однако все кругом тихо, зловеще тихо. Даже Ильмень сам затаился, как будто готовится к нападению грозного, могучего врага, с которым вот-вот в бой вступить придется. Только все больше и больше зеленоватых гребешков на его поверхности взбивается.

Зеленеет старик от злости, что ли?

Но что это за едва заметная точка среди озера чернеется?

Ведь она как будто даже движется? Уж не челнок ли какой спешит к берегу до бури добраться?

Так и есть – челнок. Двое смельчаков на нем. Это Вадим и варяг Избор.

Их челнок, на котором они осмелились выйти в озеро, был самой первобытной конструкции – просто выдолбленный и обожженный потом ствол гигантского дуба. Однако это неуклюжее судно все-таки легко скользило по поверхности все еще зловеще-спокойного Ильменя. Оба пловца с тревогой посматривали на покрывавшееся тучами небо.

– Не уйти до бури, – произнес наконец один из них, сидевший на корме челнока. – Сейчас поднимется ветер.

– Почем знать, Вадим, – отозвался другой, – теперь и до берега недалеко, как-нибудь да доберемся.

– Нет, Избор, смотри.

Как раз в эту минуту налетел шквал. Ильмень как будто только этого и ждал. Сразу загуляли по нему валы, догоняя друг друга. Сильный порыв ветра рассеял было тучи, но потом они снова сомкнулись – и стало над озером еще мрачнее и темнее.

– Держись! – крикнул опять Вадим.

Новый шквал, за ним другой, третий. И вдруг со всей своей страшной силой заревела буря.

Один другого выше вздымаются валы. Челнок то с быстротой молнии взлетает на самый гребень их, то опять опускается в водную бездну. Нечего и думать о сопротивлении разбушевавшейся водной стихии, у погибающих и не мелькала даже мысль о спасении, они только старались отдалить страшную минуту, нисколько не сомневаясь, что сама по себе она близка и неизбежна.

Несмотря на весь ужас положения, злобно по-прежнему глядит на Избора старейшинский сын. Его черные глаза так и мечут молнии.

Он как будто позабыл о грозившей опасности и только и думает, что о своем враге. Вспоминается ему предсказание Мала.

– Князь Вадим, – прервало размышления молодого человека радостное восклицание Избора, – гляди, берег близко!

– Где? – быстро поднялся с сиденья на корме Вадим.

Действительно, совсем близко от них, за валунами, виднелся окутанный туманом берег. Слышен был даже шум деревьев в дубраве.

– Слава Перуну! – воскликнул снова Избор и вдруг громко, тревожно закричал: – Держи челнок!

Не успел Вадим осознать всей грозившей им опасности, как громадный вал, что легкое перышко, поднял челнок сбоку, ударил в его борт, и вслед за тем среди рева бури раздались два отчаянных крика.

Опрокинутый челнок понесся к берегу. Он был пуст.

Старый норманн

На берегу Ильменя, недалеко от того места, где из него вытекает Волхов, на много-много верст кругом раскинулась заповеданная жрецами роща.

Вековые могучие дубы, прямые, как стрелы, сосны, раскидистые ели разрослись в ней на свободе. Рука человека не касалась их, а своих ли постоянных обитателей – легкой векши, хитрой лисицы, неуклюжего медведя – страшиться дремучему бору?

А человек, это самое слабое и вместе с тем самое могущественное из созданий, сюда, в эту глушь, зайти не решится.

Свято хранят свои тайны служители Перуна, не допустят они сюда, в эту рощу, грозному богу посвященную, ни князя родового, ни воина славного, ни человека простого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.